

Только тогда, когда полностью проявилась положительная роль Церкви в защите Родины, И. В. Сталин от имени государства обещал и оказал ей помощь.

И наконец, несколько слов об отношении И. В. Сталина к религии. Позволю высказать свое мнение: автор публикации в “Досье” не прав. И. В. Сталин не был верующим человеком. Меня совершенно не убедили аргументы автора. И. В. Сталин постоянно говорил, подчеркивал, что он — ученик В. И. Ленина, что он марксист. А “марксизм, как характеризовал его В. И. Ленин, — это материализм”. Если согласиться с утверждением автора “Досье”, тогда надо признать, что продолжатель ленинского дела им не был, что он — обманщик, лицемер, двурушник.

На мой взгляд, точнее всех определил взаимоотношения И. В. Сталина с религией В. М. Молотов. Он считал, что И. В. Сталин не был воинствующим безбожником. Да, марксист не может не быть атеистом. Но успешно руководить огромной страной с преимущественно верующим населением воинствующему безбожнику невозможно. И. В. Сталин им и не был.

Правда и мифы

“Разоблачения” богоборческой сущности Советской власти, “подтверждаются” антисоветскими рассказами о массовых репрессиях против духовенства и массовом разрушении храмов. Жертвы репрессий объявляются невинными страстотерпцами, мучениками за веру. Ну, за что “мучились” эти страстотерпцы, расстреляны выше. Вопрос тут в другом, но у меня на него, как и у всех читателей, нет ответа: насколько массовыми были репрессии и какой характер они носили?

Когда читаешь обвинения “демократов” и “патриотов”, тут они едины, создается впечатление, что в 20–40-х годах были расстреляны многие тысячи священнослужителей. Еще большое число их власть отравила в лагерь и ссылки. Ясный определенный ответ могла бы дать официальная публикация данных о репрессиях, в т. ч. и в отношении духовенства. Российская власть на это не идет. Подтолкнуть ее к обнародованию сведений о репрессиях могла бы фракция КПРФ. Но, старательно занимаясь законодательным обустройством буржуазного государства, она почему-то не спешит добиться публикации правдивых данных, которые могли бы положить конец бесчисленным спекуляциям на этот счет. Не потому ли, что Г. Н. Зюганов еще несколько лет назад заявил, что партия осудила преследование Церкви и духовенства?

Да, репрессии были: Советская власть решительно расправлялась со своими врагами в рясах. И не только с православными служителями культа: по приговору суда были расстреляны два католических священника, которые в Петрограде организовали сопротивление изъятию ценностей. Но ко всем “данным” прошлых и нынешних антисоветчиков надо относиться с крайней осторожностью.

Был такой епископ Верийский Илларион, принадлежавший к ближайшему окружению патриарха Тихона. Как утверждает Д. Поспеловский, ВЧК хотела использовать его для расширения григорианского раскола. Илларион отказался и потому был сослан на Соловки, где в 1929 году и умер. Действительно, Илларион скончался в том году, но не в Соловецком лагере, а на садовом участке в Ленинграде, тело перевезли в Москву и похоронили на территории Новодевичьего монастыря.

Второй пример — “соловецкие мученики”. О них так много написано и в таких выражениях, что складывается впечатление, будто в заключении на Соловках находилось тысячи священников и монахов. И как-то же было мое удивление, когда из магистерской диссертации Иоанна Снычева, будущего Ленинградского митрополита и духовного наставника руководителя КПРФ, выделявшегося своей ненавистью к Советской власти среди всех иерархов, я узнал, что на Соловках находилось 17–20 человек. У них была возможность свободно общаться между собой и переплываться по церковным делам с находившимся на свободе духовенством.

Что же касается массового уничтожения церквей, то доказывать не надо, что это ложь. Обычно учреждения культа закрывались. Если участь, что они, особенно в первое десятилетие Советской власти, являлись агитационно-пропагандистскими центрами, местами явок, а монастыри — и тайными базами белогвардейцев, трудно не признать действия органов власти обоснованными (хотя директивы центра категорически запрещали закрытие церквей в административном порядке).

Однако — и факт, что церкви сносились. Обычно в связи с реконструкцией городов. При этом, вероятно, допускались переуклады. Об этом говорит небольшая записка И. В. Сталина, в которой он требует прекратить подобную практику.

Причитания же церковников по поводу сноса или закрытия учреждений культа вообще надо признать сплошным лицемерием. Ибо эта практика существовала столетия. Первый зафиксированный случай произошел в правление великого князя Ивана III. По его приказанию в Москве на Красной площади одновременно было снесено 18 церквей. А высокочтимый в православном мире Сергей Радонежский однажды закрыл все церкви в Рязанском княжестве. Руководствовался он при этом не каноническими, а чисто политическими соображениями — это было наказание рязанцев за отказ поддержать Дмитрия Донского в Куликовской битве.

Позднейшая же история просто пестрит указами о закрытии церквей и особенно монастырей. Петр I вообще смотрел на монахов как на людей бесполезных, “чуждые труды поедаящих”. А матушка Екатерина II из 953 монастырей приказала оставить в штате 224, да за штатом, то есть на “хозрасчете” 161. В 1778 году закрыли даже знаменитый московский Симон-монастырь, отдав его под казармы (правда, под давлением купечества казармы из монастыря потом вывели). Закрывавшиеся монастыри переделывались под богадельни, больницы и даже в тюрьмы, каковой с конца XVIII века до 1868 года являлся Новодевичий монастырь.

Самой первой построенной на территории Кремля считается церковь Рождества Иоанна Предтечи. В середине XV века ее переложили в камень. И так она стояла до того дня, когда царь Николай I, он же глава Русской православной церкви, решил, что древний храм мешает жителям Замоскворечья любоваться Большим Кремлевским дворцом. Храм снесли. А несколькими десятилетиями раньше по указу его брата — царя Александра I, тоже, разумеется, главы Церкви, снесли храм Николая Гостунского, возведенный в 1506 году. Он мешал царю с размахом встретить прусского короля Фридриха-Вильгельма...

И в заключении — об одной тоже не очень известной странице времени гражданской войны. В 1918 году приступила к работе Всероссийская реставрационная комиссия. Ее первой работой стали поиски росписей Андрониковского собора, выполненные А. Рублевым и к тому времени похороненные под слоями штукатурки. Работа этой комиссии в годы гражданской войны — в годы разрухи! — по реставрации культовых построек — это особая тема, о которой церковники никогда не говорят. Точно так же, как ни у одного из них не хватает совести рассказать о том, как В. И. Ленин лично распорядился выделить необходимые материалы на восстановление Спасского монастыря, церквей Ильи Пророка и Николая Мокрого в Ярославле, пострадавших в 1918 году от артобстрела во время белогвардейского мятежа. Это восемнадцатый год! Советская Россия задыхается в кольце врагов. А В. И. Ленин беспокоится о восстановлении церквей.

Большевики снесли храм Христа Спасителя, чтобы построить на его месте здание, из которого рабочие и крестьяне управляли бы своим государством. А ради чего сносили древние церкви царя? Какая-то дикость! Но кто-нибудь из церковников — нынешних, о царских не-лепо и говорить — кто-нибудь осудил деяния царей?

Политика «богоборцев»

В начале заметок я упоминал об идеологическом винеграде, который антисоветчики строят, объединяя в одно целое политику большевиков и Советской власти в отношении Православной церкви, духовенства, верующих и религии в одно целое. Прием нехитрый, а дивиденды им приносит огромные. Мне неоднократно приходилось слышать сожаления сторонников Советской власти по поводу такой ее политики. Ну зачем надо было преследовать религию? Зачем наказывать за соблюдение церковных обрядов? Зачем было запрещать иконы?.. Что плохого в том, что люди венчаются, крестят детей?.. Ну если они так хотят, зачем все это запрещать?..

Заблудившиеся в нескольких соснах люди у меня не вызывают никакого уважения. Но надо признать, что волея их вокруг этих деревьев так долго, что головы действительно могут закружиться. Тем более, что никакой по-настоящему просоветской пропаганды в стране не ведется. Проти́в, КПРФ в лице ее руководителя активно поддерживает антисоветские выступления церковников: и признанием необоснованных репрессий в прошлом, и заигрыванием с духовенством сегодня.

Отношение большевиков, Советской власти к Церкви, ее служителям, религии, верующим никогда не было одинаковым. Никогда Советская власть не преследовала людей за их религиозное мировоззрение. Это и доказывать даже нелепо. Ну кто может привести хотя бы один пример того, как верующий человек хоть каким-то образом пострадал “за веру”? Пропагандистская обслуга режима в качестве примеров подсовывает нам факты исключения людей из КПСС и ВЛКСМ. Исключали, да. Но ведь не за соблюдение религиозных обрядов, а

за обман товарищей, за обман партии и комсомола, за несоответствие мировоззренческих взглядов уставам этих организаций. Неужели кому-то это может быть непонятным? А вот непонятно...

Об отношении Советской власти к церковникам достаточно сказано выше. Боролась с ней — напарывались на возмездие, угомонились — никто их и не трогал.

Покорения советских людей, введших в сознательную жизнь в 50–80 годах, воспринимали Церковь исключительно как религиозную организацию. Она такой и была. Но большевики знали другую организацию под названием Русская православная церковь. И досталась Советской власти эта другая.

Конечно, она всегда обслуживала религиозные запросы подавляющей части населения России. Но со времен Петра I это была государственная организация. А к 1917 году она уже давно была надежно структурирована в органах власти. И как любой ее орган в самодержавной России подчинена императору. В 1905 году — уже шла революция — был издан официальный документ “Об отношении высшего Правительством Российской империи к Верховной Государственной власти”. В нем, в частности, указывалось, что “утверждению И (императора) в порядке верховного управления” подлежат: избрание патриарха, предание его суду, утверждение приговора над ним Поместного Собора, Соезв Поместного Собора, открытие и упразднение епархий, избрание архиереев, приговоры над ними, “все важнейшие дела” (подчеркнуто мною — авт.). Словом, Церковь была не только учреждением религиозным, но и политическим, наряду с полицией, жандармерией выполнявшая охранительные по отношению к самодержавию функции. И настолько важные, что государство преследовало любые попытки нанести Церкви малейший ущерб. В Уголовном Уложении (1903 г.) была специальная глава — “О нарушении ограждающих веру постановлений”. Она предусматривала в зависимости от вида преступления наказания — от денежных штрафов до каторги “на срок не свыше восьми лет”.

Православная церковь была государственной и потому главенствующей в Российской империи. Попытку оставить за ней эту роль церковники предприняли и в первые месяцы существования Советской власти. В принятом 2 декабря 1917 года Определении Поместного собора указывалось, какие “должны быть приняты Государством... основные положения”. Среди них: Церковь “занимает в Российской Государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение”, “церковная иерархия и церковные установления признаются Государством в силе и значении, какие им приданы церковными постановлениями”, “глава Российской Государства, Министр Исповеданий и Министр Народного Просвещения и Товарищи их должны быть православными”. Даже из содержания только этих трех пунктов нетрудно увидеть, что церковники вознамерились поставить Советское государство под свой контроль. Естественно, что Советское правительство не желало признавать такую организацию, совершенно обоснованно видя в ней угрозу существованию рабоче-крестьянского государства.

И наконец — о религии. Кажется, по этому вопросу обличителям Советской власти и возразить нечего? Борьба с религией велась? Велась. И вроде бы в огромных масштабах. Но чтобы читатели могли их правильно оценить, я прошу сравнить масштабы антирелигиозной пропаганды в Советском Союзе и религиозной пропаганды в нынешней России. Они сопоставимы? Даже недоброжелатели Советской власти, если у них есть совесть, признают, что размах религиозной пропаганды сейчас значительно больше антирелигиозной пропаганды в советское время.

А что можно сказать по существу? В апреле 1909 года В. И. Ленин опубликовал работу “Об отношении рабочей партии к религии”, ставшей для большевиков компасом в антирелигиозной работе. Вот что писал В. И. Ленин: “Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма, и это — азбука марксизма”. Но В. И. Ленин напомнил своим читателям, что еще Ф. Энгельс неоднократно осуждал объявление рабочей партией войны религии. В. И. Ленин указывал, что лозунги “долгой религии, да здравствует атеизм”, распространение атеистических взглядов не может быть главной задачей марксистской партии. И что надо решительно противодействовать разделению рабочих на атеистов и христиан. Позднее, уже после революции, он не без юмора заметил: на том свете разберемся, кто был прав.

Практическая деятельность большевиков и шла именно в этом ключе: бороться с религией, но не делать ее главной задачей. Но она и среди второстепенных задач не была главной. ...Идет XII съезд партии. Только по принятым решениям об изъятии церковных ценностей. Реакция духовенства предвидеть нетрудно. По идее, ЦК в какой-то форме должен привлечь внимание делегатов съезда к Церкви, к антирелигиозной работе. А что происходит на съезде? С отчетным докладом выступает, как уверяют нас “патриоты”, один из самых ярых гонителей православной Церкви, Г. Зиновьев (Радомыслский). Антирелигиозная тема отнесена им в окончание доклада. Но что он говорит! “Пару слов насчет антирелигиозной пропаганды. Мы на этом фронте зарвались, и даже очень. Не надо нам в таком большом количестве вести эту “антирелигиозную пропаганду”. А в заключении этой “пары слов” объясняет, почему: “Мы не отказываемся ни на йоту от атеистических взглядов, ни на йоту от Маркса, но мы должны помнить, что к этому вопросу необходимо подходить осторожно”.

Ровно шесть лет спустя в Москве проходила XVI конференция ВКП(б). Один из докладов делает уже “главный враг” православия Е. Ярославский (Губельман). Он, в частности, отмечает извращения в антирелигиозной пропаганде, говорит о их недопустимости: “Союз безбожников борется все время с такого рода извращениями в борьбе с религией. Когда мы думаем, что религию можно изгнать насильственно, это неправильно...”.

Но думающих так, можно полагать, в партии и органах Советской власти было немало. И когда церковники активизировались, они без долгих проволочек переходили в наступление. Как это было, например, на начальном периоде коллективизации, когда в ответ на попытки попов сорвать ее, местные власти стали закрывать церкви — эти своего рода антисоветские агитпункты. Вроде справедливо. Но И. В. Сталин высмеял и осудил попытки противодействовать влиянию духовенства административными методами. А постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 года “О борьбе с инквизиционными методами в колхозном движении” прямо требовало: “Решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. Допускать закрытие церквей лишь в случае действительного желаний подавляющего большинства крестьян и не иначе, как с утверждения постановлений судов областными исполкомами. За издевательства в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности”.

Вот как ставился вопрос! И последнее, о чем, мне кажется, нельзя не сказать. Масштабы, темпы антирелигиозной пропаганды определялись выводом Ф. Энгельса, который он сделал в “Анти-Дюринге”: религиозность общества имеет социальное происхождение. Лишь когда “исчезнет последняя чуждая сила, которая до сих пор отражается в религии”, тогда “исчезнет и само религиозное отражение”. Исходя из этого прагматики-большевики считали, что пересудствовать на nive антирелигиозной пропаганды не только опасно, но и в какой-то мере бессмысленно: одна, пусть самая активная антирелигиозная пропаганда успеха не принесет, для этого нужно полное социально-экономическое преобразование всего общества.

РПЦ служит только себе

В последнее десятилетие в отношениях Церкви с государством произошла удивительнейшая метаморфоза. Церковь, четыре столетия вынужденная доказывать свою лояльность государству, сегодня совершенно освободилась от этой обязанности. Больше того, складывается впечатление, что это ей доказывает свою лояльность государство — в лице власти и ее оппозиции.

Г-н Ельцин и г-н Путин всячески обхаживают патриарха, словом и делом (принятием благоприятных для Церкви решений) подчеркивая особую роль РПЦ для государства. Г-н Путин даже не устает показывать всему миру, что он является верным чадом Церкви.

Церковь благосклонно принимает их “дары”. Но она никогда не признает нынешнюю власть своей. Да, она оказывала режиму большую поддержку. И будет оказывать. И уж тем более никогда, да и ни в какой форме не выступит против него. Для нее своя, родная власть — это самодержавие. Когда-то об этом прямо заявил митрополит Иоанн. Публично его никто из высшего духовенства не поддержал. Но это ничего не значит. В книге “Церковь и государство”, изданной по благословению патриарха Алексия II и предначерненной для всех, кто изучает церковное и государственное право, сделан анализ различных форм государственного устройства. Демократия в этой книге признается формой, противоречащей идеям христианства: утверждая духовный плюрализм, демократия “отрицает объективную Истину, т. е. Христа”. Поэтому “правильной формой” книга, еще раз напоминая, изданная по благословению главы РПЦ, признает, вслед за Аристотелем, монархию — это в первую очередь, затем аристократию — правление немногих и правление многих — политику.

В свете сказанного пути Г. Н. Зюганова заполучить благословение Церкви представляется просто смешными. Церковь, несмотря на все заверения руководителя КПРФ, что партия высоко ценит и чтит ее, выдерживает по отношению к КПРФ большую дистанцию. Что же касается ее планов на далекую перспективу, то в них нет и не будет места ни буржуазной демократии, ни тем более социалистической. Церковь всегда служила в первую очередь себе. Она говорит: Богу, Христу, но суть от этого не меняется.